

Специальная секция – к 500-летию реформации: ПРОТЕСТАНТИЗМ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Хайнер Люк¹
Реформация как импульс
для кодификации права в Европе в XVI в.²

I. Реформация и законодательство

XVI в. был не только веком Реформации, но и веком законодательства³. С точки зрения истории права эту эпоху можно обозначить как прорыв к праву в современном его понимании. Повсеместно в Европе шел процесс фиксации действующего права⁴ и кодификации нового права в форме законов в нашем понимании⁵. Естественно, старые, отработанные нормы права были связаны с новыми, административно зафиксированными нормами и унифицированы для территориальных единиц государства. Поскольку, начиная с Античности, процесс фиксации права шел несколькими «волнами», возникает вопрос, была ли кодификация права чем-то новым в XVI в.? Ответ дать нетрудно. Со всей ответственностью мы можем отстаивать тезис, что речь идет о качественном витке в развитии⁶ права и правоповедения, и это касается не столько систематики и объема записанного права, сколько в первую очередь изменяющегося представления о праве, государстве, церкви, общества и личности. Сложнее ответить на вопрос, какие именно законы или, скорее, кодификации были сделаны непосредственно или опосредованно под влиянием Реформации.

В эпоху Реформации законодательство началось с создания некоего правового вакуума (т.е. своего рода уничтожения права). Имеется в виду сожжение *Corpus Iuris Canonici* в Виттенберге 10 сентября 1520 г.⁷ по

¹ Люк Хайнер (*Lück Heiner*) [heiner.lueck@jura.uni-halle.de] – доктор правоведения, профессор гражданского права юридического факультета Халле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера (Халле, Германия) – прим. ред.

² Перевод с немецкого Галины Куделич – прим. ред.

³ Основной источник: Harold J. Berman: Law and Revolution, II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition, Cambridge et al. 2003.

⁴ Сравн. Bernd Kannowski: Aufzeichnung des Rechts, в: Albrecht Cordes u.a. (Hg.): Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte, 2. Aufl. (Далее в тексте: ²HRG), Bd. 1, Berlin 2008, Sp. 347–355.

⁵ Сравн. Hans Schlosser: Neuere Europäische Rechtsgeschichte. Privat- und Strafrecht vom Mittelalter bis zur Moderne, 3. Aufl., München 2017, S. 111–146, как и Gerhard Immel и др.: (Dritter Teil) Gesetzgebung, в: Helmut Coing (Hg.): Handbuch der Quellen und Literatur der Neueren europäischen Privatrechtsgeschichte, Zweiter Band: Neuere Zeit (1500–1800). Das Zeitalter des Gemeinen Rechts, Zweiter Halbband: Gesetzgebung und Rechtsprechung (Veröffentlichung des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte), München 1976, S. 3–1109.

⁶ Сравн. Bernd Mertens: Gesetzgebung, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 302–315.

⁷ С ним сравн. Christopher Spehr: Luther, Martin (1483-1546), в: ²HRG 3 (2016), Sp. 1100–1107.

инициативе Мартина Лютера (1483–1546)⁸. Эта впечатляющая акция недвусмысленно обозначила отход от канонического права⁹ и епископской судебной власти¹⁰. Вопрос, что должно было заместить аннулированное староцерковное право и собрание законов, поначалу оставался открытым. Процесс издания новых правовых норм в духе нового церковного реформированного самопонимания шел постепенно, как ответ на острую необходимость урегулирования той или иной ситуации. В 1539 г. в Виттенберге был создан тип судебной системы – консистория, ставший суверенной юридической и дисциплинарной властью в отношении церковных дел и лиц¹¹. Этот новый тип власти по образцу Виттенберга был создан во всех евангелических землях и был наделен такой же компетенцией и таким же процессуальным порядком.

II. Проблемное поле

Лишь относительно небольшая часть возникших в XVI в. правовых норм и кодификаций соотносится с Реформацией. Это в первую очередь правовые нормы, возникшие по инициативе реформаторов для введения и закрепления новых церковных отношений и закрепленные на межгосударственном уровне (т.е. в Германии между государством и князьями или имперскими городами, также между князьями и имперскими городами). Эти нормы можно разделить на три проблемных поля:

- 1) Секулярный/государственный порядок для регулирования церковных вопросов;
- 2) Секулярный/государственный, распространяющийся на конфессии, нормативный свод;
- 3) Секулярное/государственное законодательство для нецерковных вопросов.

Сюда входит в известной степени как четвертое проблемное поле –

- 4) Гуманизм как основополагающее и всеохватывающее духовно-интеллектуальное движение.

Эти разделы не могут быть четко разграничены в силу произошедшего из-за Реформации нового определения Церкви и власти (внутриземельное церковное управление)¹².

⁸ Последнее по теме: Natalie Krentz: Ritualwandel und Deutungshoheit. Die frühe Reformation in der Residenzstadt Wittenberg (1500–1533) (= Spätmittelalter, Humanismus, Reformation 74), Tübingen 2014, S. 125–139.

⁹ Сравн. в этой связи обзор Hans-Jürgen Becker: Kanonisches Recht, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1569–1576.

¹⁰ Сравн. Lotte Kéry: Geistliche Gerichtsbarkeit, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1–8; Heiner Lück: Die kursächsische Gerichtsverfassung 1423–1550 (= Forschungen zur deutschen Rechtsgeschichte 17), Köln/Weimar/Wien 1997, S. 50–78, 142–155.

¹¹ Основной источник: Ralf Frassek: Eherecht und Ehegerichtsbarkeit in der Reformationszeit. Der Aufbau neuer Rechtsstrukturen im sächsischen Raum unter besonderer Berücksichtigung der Wirkungsgeschichte des Wittenberger Konsistoriums (= JUS ECCLESIASTICUM. Beiträge zum evangelischen Kirchenrecht und zum Staatskirchenrecht 78), Tübingen 2005.

¹² Сравн. Michael Stolleis: Kirchenregiment, landesherrliches, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1826–1828.

1) Секулярный/государственный порядок для регулирования церковных вопросов

К нему относится в первую очередь *церковные уставы*¹³. Именно они являются источником правовых предписаний, которые порождены Реформацией. Церковные правила стали непререкаемыми положениями, которые были установлены светским началом (глава земли, города). Таким образом, они составляют значительную часть резко возросшего законотворчества¹⁴ в немецких землях в XVI в. Также и на государственном уровне шло возрастание интенсивности законотворчества, прежде всего, за счет решений имперского сейма. Правовой основой для отдаления от церковного устава был *Шнейерский сейм (Reichsabschied von Speyer)* 1526 г. Согласно последнему высшие сословия могли временно сами решать церковные вопросы своей конфессии на вверенной им территории¹⁵. Возможно, что церковный устав стал прообразом, корнем современного законодательства как реакции на возникшую в обществе потребность регулирования. Однако это инновационная роль церковного устава оспаривается. Основанием для этого служит тот факт, что некоторые сферы регулирования церковной действительности по теолого-догматическим причинам с самого начала уклонялись от образцов западного правотворчества (касается исповедания веры и обучения)¹⁶. Понятие церковного устава, которое использовалось для староцерковных норм, следует считать фундаментальным в контексте нового определения церковной действительности в пору Реформации и формирования конфессий¹⁷ в XVI в. В последующем церковные законы, созданные главами земель и городов, в редких случаях разработанные только теологами без светской авторизации, стали законами, в которых центральные или самые главные сферы церковной жизни были согласованы с новым евангелическим учением. Этого требовала возникшая острая необходимость в новом правовом оформлении церковного учения, церемоний, таинств, бракосочетания¹⁸,

¹³ Сравн. Heiner Lück: Kirchenordnung, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1805–1812.

¹⁴ Сравн. Dietmar Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte. Vom Frankenreich bis zur Wiedervereinigung Deutschlands. Ein Studienbuch. Mit einer Zeittafel und einem Kartenanhang, 7. Aufl., München 2013, S. 128–158; Steffen Schlinker: Fürstentum und Rezeption. Reichsfürstenstand und gelehrte Literatur im späten Mittelalter (= Forschungen zur deutschen Rechtsgeschichte 18), Köln/Weimar/Wien 1999.

¹⁵ Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte (как в сноске 14), S. 120 f.

¹⁶ Подробнее: Karla Sichelschmidt: Recht aus christlicher Liebe oder obrigkeitlicher Gesetzesbefehl? Juristische Untersuchungen zu den evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts (= JUS ECCLESIASTICUM. Beiträge zum evangelischen Kirchenrecht und zum Staatskirchenrecht 49), Tübingen 1995.

¹⁷ О понятии сравн. Renate Dürr: Konfessionalisierung, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 2015–2016.

¹⁸ Сравн. Heiner Lück: Ehe und Familie in den Kirchenordnungen des Johannes Bugenhagen (1485–1558). Ein Beitrag zur Etablierung des evangelischen Kirchenrechts im Ostseeraum, в: Danuta Janicka (Hg.): Judiciary and Society between Privacy and Publicity. 8th Conference on Legal History in the Baltic Sea Area, 3rd–6th September 2015, Toruń 2016, S. 303–327.

содержания образования, попечения бедных¹⁹, церковной дисциплины и др. Поскольку евангелическая церковь в виде местных церквей²⁰ вместе с тогдашней знатью, т.е. главами городов, стала во главе власти, как следствие, вместо формального центрального управления посредством канонического права с 1520 г. пришло множество территориальных и городских церковных уставов.

Особый тип церковного устава представляет собой северогерманский свод церковных законов, восходящий к реформатору Йоханесу Бугенхагену (1485–1558)²¹. Он отмечен относительно хорошо развитой юридической систематикой и искусным использованием северогерманского языка²². В труде Бугенхагена встречаются тексты на латыни (церковный устав для Дании, Норвегии [*Dänisch-norwegische Kirchen-Ordinanz 1537*]²³), Шлесвиг-Хольштайна, 1537²⁴).

Все церковные уставы демонстрируют более или менее схожую модель формирования. Авторами уставов выступают действующие теологи и юристы. Они приобрели общеевропейское значение, поскольку их действие распространилось далеко за пределы немецкого протестантизма. Постоянные области регулирования в церковном праве: новое учение, церемонии, организация церкви, отношение церкви и светской власти. В 1545 г. в восходящей к Меланхтону (1497–1560)²⁵ т.н. «*Виттенбергской реформации*»²⁶ обозначено, что евангелическое церковное право должно содержать: 1) истинное и чистое учение, которое Бог Церкви дал, открыл и заповедовал; 2) правильное использование таинств; 3) поддержание мессианского служения и смирения в отношении духовника; 4) поддержание истинной допропорядочности посредством церковного суда или духовной юрисдикции; 5) поддержа-

¹⁹ Сравн. Heiner Lück: Armen- und Fürsorgeordnungen der Reformationszeit – Anfänge eines neuzeitlichen Sozialrechts?, в: Stefan Oehmig (Hg.): Medizin und Sozialwesen in Mitteldeutschland zur Reformationszeit (= Schriften der Stiftung Lutherdenkstätten in Sachsen-Anhalt 6), Leipzig 2007, S. 197–212.

²⁰ Сравн. Armin Kohnle: Landeskirche, в: ²HRG 3 (2016), Sp. 445–451.

²¹ Сравн. Hans-Günter Leder: Bugenhagen, Johannes (1485–1558), в: ²HRG 1 (2008), Sp. 709–711.

²² См. также Heiner Lück: Prudentia legislativa: Regelungssystematik und Regelungstechnik in den Kirchenordnungen Johannes Bugenhagens, в: Irmfried Garbe/Heinrich Kröger (Hg.): Johannes Bugenhagen (1485–1558). Der Bischof der Reformation. Beiträge der Bugenhagen-Tagungen 2008 in Barth und Greifswald, Leipzig 2010, S. 171–189.

²³ Издано: Ernst Feddersen (Hg.): Die lateinische Kirchenordnung für Dänemark, Norwegen und Schleswig-Holstein, в: Die lateinische Kirchenordnung König Christians III. von 1537 nebst anderen Urkunden ..., Kiel 1934, S. 1–93.

²⁴ Walter Göbell (Hg.), übertragen von Annemarie Hübner: Die Schleswig-Holsteinsche Kirchenordnung von 1542, Neumünster 1986.

²⁵ Сравн. Isabelle Deflers: Melanchthon, Philipp (1497–1560), в: ²HRG 3 (2016), Sp. 1439–1444.

²⁶ Издано: Emil Sehling (Hg.): Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts. Первый раздел: Sachsen und Thüringen, nebst angrenzenden Gebieten, Bd. I/1, Leipzig 1902, S. 209–222.

ние образования и школ; б) оказание физической защиты и поддержки в несчастье.

Многие церковные уставы содержат обстоятельные и выделенные разделы по поводу «общего ларя»²⁷, благодаря которому забота о бедных получила новое основание²⁸.

Реакцией старой церкви на распространяющееся евангелическое церковное право было заключение Тридентского собора (*Tridentinum*) 1563 г.²⁹. Его тоже можно рассматривать как правотворчество вследствие Реформации.

2) *Секулярный/государственный, распространяющийся на конфессии, нормативный свод*

Важным основанием для правового оформления отношений между конфессиями стал Аугсбургский религиозный мир (*Augsburger Religionsfriede*), 1555³⁰. Предшествующими документами можно считать решения сейма в Шпейере, 1526³¹, Аугсбургское временное постановление, 1548³² и Пассауский договор, 1552³³. Несмотря на все сложности и его несовершенство, Аугсбургский религиозный мир, в принципе, продержался до 1618 г. И это было далеко не само собой разумеющимся. Однако целью этого документа, известного далеко за пределами Германии, было не только установление дружеских отношений княжеств, земель и городов. Современные исследования считают этот договор о мирных отношениях с его законной силой своего рода стволовой клеткой современной религиозной свободы, свободы вероисповедания и передвижения. Право, реализуемое по принципу «*cuius regio eius religio*» («чья земля, того и религия») ³⁴, позволяющее покинуть территорию князя, избравшего ту или иную конфессию (*ius emigrandi*)³⁵, можно, пусть с некоторыми оговорками, считать корнем свободы вероисповедания и права свободного пере-

²⁷ Сравн. Tim Lorentzen: Johannes Bugenhagen als Reformator der öffentlichen Fürsorge (= Spätmittelalter, Humanismus, Reformation 44), Tübingen 2008; Stefan Oehmig: Über Arme, Armenfürsorge und Gemeine Kästen mitteldeutscher Städte der frühen Reformationszeit, в: ders.: Medizin und Sozialwesen (как в сноске 19), S. 73–114.

²⁸ Сравн. Heinrich de Wall: Kirchenrecht, evangelisches, в: ZHRG 2 (2012), Sp. 1815–1821.

²⁹ Сравн. Christoph Link: Kirchliche Rechtsgeschichte. Kirche, Staat und Recht in der europäischen Geschichte von den Anfängen bis ins 21. Jahrhundert. Ein Studienbuch, 3. Aufl., München 2017, S. 96–101.

³⁰ Сравн. Kirchliche Rechtsgeschichte (как в сноске 29), S. 83 f.; Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte (как в сноске 14), S. 120 f.

³¹ Link: Kirchliche Rechtsgeschichte (как в сноске 29), S. 83 f.; Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte (как в сноске 14), S. 120 f.

³² Link: Kirchliche Rechtsgeschichte (как в сноске 29), S. 85; Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte (как в сноске 14), S. 121 f.

³³ Link: Kirchliche Rechtsgeschichte (как в сноске 29), S. 85; Willoweit: Deutsche Verfassungsgeschichte (как в сноске 14), S. 122.

³⁴ Сравн. Karl-Hermann Kästner: Cuius regio eius religio, в: ZHRG 1 (2008), Sp. 913–916.

³⁵ Сравн. dazu auch Barbara Dölemeyer: Auswanderung, в: ZHRG 1 (2008), Sp. 389–392, hier Sp. 389.

движения и повсеместного проживания³⁶. Конечно, на то время не было и мысли о всеохватывающей свободе вероисповедания. Во всяком случае, *ius emigrandi* является ответной реакцией на конфликт, возникший из-за *ius reformandi*³⁷, религии и вероисповедания, выбранных главой земли для своих подданных. В тех конкретных исторических условиях так называемой конфессиональной эпохи это можно было осуществить, только приняв ущемление интересов отдельных людей. Для многих было удобнее пойти на смену религии и остаться на родине, чем на возможное переселение.

В число секулярных/государственных норм, которые при новых обстоятельствах в силу реформации регулировали вопросы, выходящие за рамки конфессиональности, входило также постановление о проверяющей комиссии от Верховного суда (1560 г.). Ее существование обеспечивало паритет мест в сенате по вопросам религии высшего суда Священной Римской империи немецкой нации в лице евангелических и католических представителей знати³⁸. Принцип паритета, сильно укоренившийся в этой структуре, стал образцом для структур прочих конституционных органов.

3) *Секулярное/государственное законодательство для нецерковных вопросов*

Большинство возникших по необходимости в XVI в. законов были едва ли или вообще не связаны с церковным развитием. В их число входят законы, появившиеся в рамках решений сената (напр. Монетный устав 1559 г., Полицейский устав 1530 и первый свод уголовно-судебных положений *Constitutio Criminalis Carolina* 1532 г.³⁹), а также территориальные кодификации правового устава земель (напр. Саксонская Конституция 1572 г.⁴⁰).

4) *Гуманизм как основополагающее и всеохватывающее духовно-интеллектуальное движение*

Гуманизм⁴¹, в определенном смысле, был всеохватывающим, поскольку он стал основанием юриспруденции, правотворчества и реализации права в смысле обеспечения методов доступа и толкования права⁴². В этом

³⁶ Сравн. Heiner Lück: Der Augsburger Religionsfrieden und das Reichsrecht. Rechtliche Rahmenbedingungen für ein epochales Verfassungsdokument, в: Gerhard Graf/Günther Wartenberg/Christian Winter (Hg.): Der Augsburger Religionsfrieden. Seine Rezeption in den Territorien des Reiches (= Herbergen der Christenheit. Jahrbuch für deutsche Kirchengeschichte 11 = Studien zur deutschen Landeskirchengeschichte 6), Leipzig 2006, S. 9–23, hier S. 19 f.

³⁷ Сравн. Karl-Hermann Kästner: Jus reformandi, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1466–1469.

³⁸ Bernhard Ruthmann: Die Religionsprozesse als Folge der Glaubensspaltung, в: Ingrid Scheurmann (Hg.): Frieden durch Recht. Das Reichskammergericht von 1495 bis 1806, Mainz 1994, S. 231–240, hier S. 235 f.

³⁹ Сравн. Rolf Lieberwirth: Constitutio Criminalis Carolina, в: ²HRG 1 (2008), Sp. 885–890.

⁴⁰ Сравн. Gerhard Buchda/Heiner Lück: Kursächsische Konstitutionen, в: ²HRG 3 (2016), Sp. 354–361.

⁴¹ Ulrich Muhlack: Humanismus, в: ²HRG 2 (2012), Sp. 1161–1163.

⁴² См. также Schlosser: Neuere Europäische Rechtsgeschichte (как в сноске 5), S. 111–130 [Juristischer Humanismus in Europa].

мы затрагиваем второй аспект взаимосвязи реформации и правотворчества, в котором гуманизм выступал связующим звеном.

Гуманизм может быть представлен как судьбоносное духовно-интеллектуальное движение как для Реформации, так и для гуманистически ориентированного правоправления и правотворчества. Мы должны упомянуть о когда-то гуманистическом профиле Виттенбергского университета, естественно, касающемся не в коем разе только философии и теологии⁴³. Книгопечатание⁴⁴ обеспечило не только доступ масс к правовым текстам, но позволило также соотносить авторов законов, адресатов законов с, собственно, сводом законов; на ум приходят эпитафии, посвящения составителей и издателей, адресованные князьям как законодателям, использование гербов и пр. Это тоже было в новинку, и, конечно, не только на евангелических территориях.

Издание правовых текстов предполагает непрерывное творческое переосмысление права, поскольку необходимо постоянно, как ранее, так и до сих пор, преодолевать беспрестанное расхождение между зафиксированным/изданным правом и постоянно меняющейся (удаляющейся от текста) реальностью, благодаря духовной работе и использованию научно-юридических методов⁴⁵. Авторизованные, т.е. кодифицированные правовые тексты были и остаются основанием для развития «правоправления».

Фиксация права в XVI в., возникшего в том числе на идейном багаже Реформации, привела к определённой стабильности права, сегодня бы мы назвали это «неприкосновенностью права». Кто мог читать, мог получить информацию о своей правовой ситуации по письменно закреплённому праву. В этой связи мы можем упомянуть образовательную программу, которую Мартин Лютер представил особо развернуто в так называемом труде «К советникам земли немецкой...» 1524 г.⁴⁶. Как известно, во времена Реформации в Виттенберге значимую роль для распространения информации, неизвестный долгое время факт, выполняли листовки и плакаты, многие из которых содержали ценные в художественном смысле иллюстрации, выполненные в мастерских художников, таких как Лукас Крапах Старший (1472–1553 гг.)⁴⁷ и Лукас Крапах Младший (1515–1586 гг.)⁴⁸.

Эти печатные издания распространяли также и представления Реформации о праве и справедливости. Таким образом, они, пусть опосредованно, внесли свою лепту в правотворчество.

⁴³ Сравн. Manfred Rudersdorf: *Universitas semper reformanda. Die beherrschende Kraft des Humanismus. Zu einem Grundkonflikt neuzeitlicher Universitätsgeschichte im Jahrhundert der Reformation* (= Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philolog.-histor. Klasse 141/5), Stuttgart/Leipzig 2016; Matthias Asche u.a. (Hg.): *Die Leucorea zur Zeit des späten Melanchthon. Institutionen und Formen gelehrter Bildung um 1550...* (= Leucorea-Studien zur Geschichte der Reformation und der Lutherischen Orthodoxie 26), Leipzig 2015.

⁴⁴ Сравн. Stefan Oehmig (Hg.): *Buchdruck und Buchkultur im Wittenberg der Reformationszeit* (= Schriften der Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt 21), Leipzig 2015.

⁴⁵ Jan Schröder: *Recht als Wissenschaft. Geschichte der juristischen Methodenlehre in der Neuzeit (1500–1933)*, 2. Aufl., München 2012, S. 9–96.

⁴⁶ ²HRG 2 (2012), Sp. 27–53.

III. Выводы

Если свести воедино все импульсы, исходящие от Реформации посредством кодификации права в XVI в., вырисовываются следующие положения⁴⁹:

1. Государство или светское руководство в XVI в. было единственным законодателем (отныне не совместно с церковью как параллельной государству судебной системой);
2. образование является задачей светской/мирской власти;
3. паритет государственных органов;
4. новое основание для попечения бедных;
5. толерантность как государственный принцип;
6. начало свободы вероисповедания и, соответственно, перемещения;
7. автономия (речь о выборах городского священника);
8. наделение правами женщин;
9. новое понимание брака с правом на его расторжение и повторное заключение брака;
10. начало современного правотворчества.

Короткая Т.П.¹

Старообрядчество и протестантизм: из истории проблемы

В многочисленной и многообразной критической литературе, посвященной старообрядчеству, тема сравнительного анализа старообрядчества и протестантизма представлена незначительным количеством работ. Наиболее интересными из них являются работы русских религиозных философов конца 19 – начала 20 века. Актуальность изучения старообрядчества связана с тем, что несмотря на изученность данной конфессии, наличие первоклассных исследований по этому вопросу и сегодня в связи со старообрядчеством встает ряд актуальных и острых вопросов и проблем. Это проблемы традиции и новации в культуре, трактовка прогрессивного и консервативного по отношению к культуре, в целом понимание смысла и сущности истории. Обрядовые споры, инициированные старообрядцами, переросли со временем в вопросы о том, каким образом, идя по пути технического прогресса и модернизации экономики, сохранить национальную самобытность, а социальные реформы при этом были бы

⁴⁷ Сравни Andreas Tacke (Hg.) в связи с Verbindung mit Stefan Rhein и Michael Wiermers: Lucas Cranach 1553/2003. Wittenberger Tagungsbeiträge anlässlich des 450. Todesjahres Lucas Cranachs des Älteren (= Schriften der Stiftung Luthergedenkstätten in Sachsen-Anhalt 7), Leipzig 2007.

⁴⁸ Сравни Elke A. Werner и др. (Hg.): Lucas Cranach der Jüngere und die Reformation der Bilder, München 2015

⁴⁹ Подробнее: Heiner Lück: Konflikt und Konsens – Folgen der Reformation für europäische Muster der politischen Kultur, в: Maik Reichel и др. (Hg.): Reformation und Politik. Europäische Wege von der Vormoderne bis heute, Halle (Saale) 2015, S. 98–131.

¹ *Короткая Татьяна Петровна* [korotkaya_tp@tut.by] – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь) – прим. ред.